

– і тут годі шукати суто політичних мотивів, – що «чужинець, який не має друзів і родичів, викликає більше жалю і богів, і людей». І нарешті: «З провин проти чужинців і земляків найбільшими є завжди вчинені проти тих, хто благає милосердя» (Закони V 730a). А.-Ж. Фестюж'єр називає це імпульсом до Вічного: все минає, лиш вічне є незмінним. Так, закони, на переконання Платона, здатні зробити державу та її громадян щасливими й блаженними, – але за умови, що ці закони керовані порадою богів. «І той, хто буде коритися цьому закону, не звідає від нього зла, той же, хто їм знехтує, понесе подвійну відповідальність: першу і головну – перед богами, другу – перед законом» (Закони VIII 843ab). Усе ж таки, як бачимо, лише другу – перед законом. А першу і головну – перед богами.

Бібліографічні посилання

1. **Апресян Р. Г.** Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М.: ИФРАН, 1995. – 353 с.
2. **Вальденфельс Б.** Феномен чужого и его следы в классической греческой философии / Бернгард Вальденфельс; перев. с нем. К. Лядской // Топос. – 2002. – № 2 (7). – С. 4-21.
3. **Высокий В. Ф.** Отношения гостеприимства между руководителями государств / Высокий В. Ф. // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конф. (Москва, Ин-т всеобщей истории РАН, 27-28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 114-117.
4. **Гай-Никодимов М.** Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства? (пер. с фр. Е. Гальцовой) / Мари Гай-Никодимов // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1(65). – С. 71-82.
5. Греческая философия: В 2 т. Т. 1. / Под ред. М. Канто-Спербер; Пер. с фр. В. П. Гайдамака, М. А. Графовой; Введ., предисл., прим. В. П. Гайдамака. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. – 499 с.
6. **Дорофеева В.** Союзы частного гостеприимства между представителями аристократии (по сочинению Ксенофонта «Анабасис») / В. Дорофеева // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Доклады конференции (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27-28 мая 1998 г.). – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 118-121.
7. **Дынник М. А.** Материалисты Древней Греции – Гераклит, Демокрит и Эпикур // Материалисты Древней Греции / Под ред. М. А. Дынника – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 5-38.
8. **Латышев В. В.** Очерк греческих древностей / В. В. Латышев. – СПб.: Алетейя, 1997. – 343 с.
9. **Монтандон А.** Гостеприимство: этнографическая мечта? / Ален Монтандон; пер. с фр. Е. Гальцовой // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 1(65). – С. 61-70.
10. **Суриков И. Е.** Ксенические связи в дипломатии Алкивиада / Суриков И. Е. // Античный мир и археология. – Вып. 11. – Саратов, 2002. – С. 4-13.
11. **Фестюж'єр А.-Ж.** Личная религия греков / Андре-Жан Фестюж'єр / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 253 с.

УДК 133.2:141.132

В. И. Дуденок

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Аналізуються взаємозв'язки раціональних та позараціональних компонентів у науковому пізнанні. Предметом аналізу виступають концепти, що є провідними в сучасному суспільствознавстві, в аспекті їх раціональних підвалів. Звертається увага на проблему контексту (смыслового поля), в якому функціонують ті чи інші поняття, досліджуються особливості застосування міфологем у науковій діяльності.

Ключові слова: раціональність, міфологема, стиль мислення, контекст, структура.

Анализируются взаимосвязи рациональных и иррациональных компонентов в научном познании. Предметом анализа выступают концепты, задающие тон современному обществознанию, в аспекте их рациональных оснований. Обращается внимание на проблему контекста или смыслового поля, в котором работают те или иные понятия, исследуются

Ключевые слова: рациональность, мифологема, стиль мышления, контекст, структура.

Questions related to new criteria of rationality and scientific character in the postmodern era are explored. It is highlighted that the discussions of the rationality mainly affect macro-level, i.e. deal with problems of comparison and evaluation of theories, selection between them and rational reconstruction of science. Significant attention is paid to aspects of scientific knowledge substantiation and questions of preconditions. Increasing role of philosophical cognition in the process of science self-reflection is highlighted.

Relationships between rational and non-rational components in scientific cognition are analysed. Subject of analysis are concepts, which define the tone of modern social studies, in terms of their rational grounds. Attention is paid to the problem of context or semantic field, in which any particular concepts operate; peculiarities of mythologems operation in scientific activities are explored. Concepts of «discourse», «way of thinking», «mythologem», «values» are analysed. It is emphasized that any elements of the conceptual framework, in addition to keeping the meaning of the subject, create to a greater or lesser extent the direction of research, the scientific framework of the theory, the structure of consciousness, or, in modern terminology, a way of thinking. The issue is those mechanisms of the cognitive processes that occur in addition to meaning. It is substantiated that the desire for rational understanding of the world helps to overcome all kinds of ideological crisis, to search grounds for tolerance in the culture.

The need for study the problem of rationality in non-scientific fields: religion, morality and politics is emphasized. Developing of mechanisms to support culture traditions, both at the level of archetypical structures and in terms of the realized work, is important for Ukraine in the context of study of the national idea.

Keywords: rationality, mythologem, way of thinking, context, structure, paradigm.

В философии есть проблемы, которые можно назвать осевыми, ибо вокруг них так или иначе центрируется все многообразие мировоззренческого знания. К таким вечным вопросам относятся диалектика рационального и иррационального, которая всегда притягивала к себе внимание философов, уже формулировкой проблемы высвечивая болезненные грани культуры.

В различные периоды исследование природы рационального приобретает специфические формы. В настоящее время оно выступает как проблема смысла и целей научного познания, этики науки. На уровне логики науки эта проблема находит свое воплощение в стремлении понять диалектику рефлексивного и дорефлексивного в деятельности ученого. Проблема рациональных оснований науки заявляет о себе в контексте смены парадигм и в предчувствии научных революций, становясь особо острой в плоскости общественных наук. Гуманитарное знание, стремясь к научности, отмежевываясь от эзотерики, сегодня делает акцент не на исследовании объективных законов и тенденций, а на постижении пределов или границ нашего знания, называя их эпистемами, дискурсом или стилем мышления.

Актуальность проблемы рациональности обусловлена прежде всего особенностями развития научно-технической цивилизации. Индустриальная цивилизация предполагает ключевую роль прежде всего рациональных компонентов, стимулирующих развитие новых технологий. Поэтому проблема рациональности сегодня — это вопрос о судьбе современной цивилизации в целом, о ее перспективах. Проявившиеся сегодня деструктивные черты техногенной цивилизации требуют уяснения как самого смысла понятия рациональности, так и рассмотрения рациональности как элемента культуры.

Проблема рациональных основ познания в различных ракурсах исследована многими учеными. Так, сегодня в науке плодотворна идея о существовании «открытой» и «закрытой» рациональности, разработанная В. С. Швыревым. Востребована также концепция неявного личного знания М. Полани, которая особо интересна гуманитариям. Не обойтись современной науке и без решения проблем, поднятых психоаналитиками, в особенности в аспекте изучения надличностных феноменов культуры.

Задача данной статьи — исследование проблем рациональной реконструкции гуманитарного знания, в особенности, в сфере аксиологии. Предметом анализа выступают концепты, задающие тон современному общественному знанию. В статье обращается внимание на проблему контекста или смыслового поля, в котором работают те или иные понятия, исследуются особенности функционирования мифологем в научном познании.

Говоря о внутренней логике проблемы, следует заметить, что во всех случаях использования термина «рациональность» заметна общая направленность. Это рефлексия

по поводу возможного расхождения между целями (направленностью) и механизмами, обеспечивающими деятельность по достижению этих целей. Иными словами, рациональность — сфера не только сущего, но и должного. Обозначив так проблему, мы уже предчувствуем те изменения в трактовке рациональности, которые заявят о себе сразу же, как только будет подвергнут сомнению принцип тождества мышления и бытия. И тут же становится очевидной востребованность аксиологической проблематики, ибо мышление, потеряв свою укорененность в бытии, потребует иных подпорок и обоснований.

Тема рациональности уходит корнями в античную философию, исходившую из того, что мир сам по себе гармоничен и упорядочен, а значит, мы можем его рационально постигать. Уже в этом тезисе мы фиксируем один из атрибутов мира, к которому применимы характеристики рациональности — это его соизмеримость, упорядоченность, структурность, а значит, делимость и, возможно, иерархичность. Кроме того, рацию — синоним сущности, идеи в противоположность чувственному мнению, всему ситуативному и субъективному. Значит, рацию — сфера логики, т. е. закономерного, необходимого, повторяющегося. Когда мы сегодня попытаемся воспроизвести такой рациональный способ отношения к миру в античной философии, мы непременно потеряем некоторые его предпосылки, в мир рациональности не вписывающиеся и относящиеся современностью к сфере наивности. Это, во-первых, переживание самодостаточности мира, внутри которого находимся мы со своим рацию, и, во-вторых, чуждую нам телеологичность, допущение того, что идея — она же и причина, и цель.

В Новое время механика как фундаментальная наука о природе понятие цели делает архаичным, ибо основной задачей науки будет полагаться установление действующих, а не целевых причин. Устранение принципа целесообразности из естествознания приведет также к нивелировке понятия разума. К концу XIX века в науках о природе разум был сужен до научной рациональности, означавшей объяснение всех явлений посредством установления между ними причинно-следственных связей.

Исключение целевых причин из природы привело к тому, что она утратила свой прежний онтологический статус и, начиная с Нового времени и до наших дней, выступает лишь в качестве объекта.

В первой половине XX века появляются новые трактовки проблемы рациональности, связанные прежде всего с социологическим её пониманием (М.Вебер). Этнографические исследования второй половины XIX века продемонстрировали, что примитивные культуры обладают собственными стандартами организованности. Принимая их во внимание, ученые приходят к выводу, что историческое развитие в целом связано с процессом возрастающей рациональности общества. Этот процесс несет в себе и негативные тенденции, ибо ограничивает свободу индивида жесткими формами общественной организации, что может привести к отчуждению и иррационализации действительности в ее восприятии. Таким образом, под рациональностью у Вебера понимается не атрибут науки, а высший принцип человеческой деятельности и систематизирующий элемент культуры.

В 60-70-е годы XX века, в период крушения неопозитивистской программы, эпицентр обсуждения проблемы рациональности был обозначен дискуссиями между представителями «большой четверки», которую составляли Т.Кун – К.Поппер – И.Лакатос – П.Фейерабенд. В последнее время эта тема развивалась во многом на пересечении тех сюжетных линий, которые задаются этими авторами.

В последние годы получили развитие следующие темы, касающиеся проблемы рациональности:

- несовпадение понятий «рациональность» и «логичность»;
- принципиальный плюрализм научного познания;
- развитие дескриптивного подхода к научному познанию и отказ от претензий навязать науке какие-либо стандарты;
- проблема уровней рациональности: рассудочной, жестко следующей нормам, и разумной, подвергающей критическому анализу основания всех правил;
- роль историко-социологической плоскости научного познания;
- проблема использования истинностных параметров в анализе науки;
- тема целей и прогрессивной направленности научных исследований;
- проблема рациональных реконструкций моделей науки;
- постижение внутренних механизмов возникновения разногласий и достижения консенсуса в сообществе ученых.

Дискуссии о рациональности затрагивают преимущественно макроуровень, т. е. касаются проблем сравнения и оценки теорий, выбора между ними, рациональной реконструкции науки.

Современное истолкование рациональности привело к новой трактовке ее соотношения с иррациональностью. Сегодня большое внимание уделяется аспектам обоснования научного знания, так называемому предпосылочному знанию. Это проявляется в возрастании роли философского познания, в существенном усилении интереса к саморефлексии науки.

Г. В. Ф. Гегель в свое время подметил противоречивость рациональности, истолковывая категории рационального и иррационального как проявление диалектики рассудка и разума. По словам Гегеля, то, что мы называем рациональным, принадлежит к области рассудка, а иррациональное – это начало и след разумности. Науки, доходя до той грани, дальше которой они не могут двигаться с помощью рассудка, прерывают последовательное развитие своих определений и заимствуют то, в чем они нуждаются, извне, из области представлений, мнений или каких-нибудь других источников.[1, с.417]

Можно сказать, что современная философия науки во многом продолжает идеи и сомнения И. Канта, пришедшего к печальному выводу: мир вне нас, как и любой Другой рядом с нами – это принципиально иная реальность, и нет иного пути ее постижения, кроме как сделать ее своей, частью своих чувств, мыслей, представлений. Но, постигая мир, присваивая его в своем понимании, мы теряем реальность вне нас. Значит, ни у кого нет права на абсолютную истину, ибо во всяком нашем представлении о мире присутствует частичка нас самих и иного пути просто нет. Место «Я» может занять какая-либо мыслительная конструкция как intersубъективность и взаимосогласованность, если же мы попытаемся максимально изъять субъекта из процесса познания, мы придем лишь к различным формам мистики. И не менее актуально звучат сегодня Кантовские мысли о том, что понимание трудностей познания и его условностей предполагает нашу нравственную позицию и осознанное долженствование.

Эпоха постмодерна, взывая к новым критериям, заставляет по-новому взглянуть на статус и роль философии. Можно сказать, что философия как наука — это болевая точка рациональности, более того, развитие философии (изменение проблематики, поиски методов, вариации функций) можно рассматривать в непосредственной взаимосвязи с господствующим в культуре типом рациональности. Аспект этот тем более интересен, что предполагает две ипостаси: во-первых, осознанное влияние философии на социум (социальный заказ, уровень идеологии), во-вторых, трансформации самой философии под давлением сложившихся в обществе реалий (мировоззренческая ось философии, ее иррациональная грань). Очевиднее всего эта проблема являет себя в такой постановке вопроса: если философия постулирует себя как наука (а наука традиционно — синоним рацио), то как возможна иррациональная философия, существование которой считается общепринятым? Очевидно, что желание однозначного ответа заставляет нас идти на жертвы: либо лишить науку атрибута рациональности, либо отказать философии в научном статусе. Современная культура истину нашла посередине: предложено подумать о многовариантности самого понятия рациональности. Тем самым перед философией выросла еще одна задача: объяснить критерии типологии и неслучайность того или иного типа рациональности в культуре.

На фоне общего кризиса рационализма в европейской культуре обостряется интерес к философии как психотехнике. Сегодня известная фраза «утешение философией» воспринимается уже без иронии. Вопрос же о философии как идеологии вводит нас в плоскость мифа как особой формы сознания. Задача философии в таком контексте — не развенчать миф (ибо встает вопрос: «А что взамен?»), но указать на особенности его конструирования, или, говоря Кантовским языком, на границы познания.

Не случайно сегодня в общественных науках на постсоветском пространстве происходит смена акцентов в интерпретации мифа. Все более пробивает себе дорогу тенденция понимания мифа в духе философии А. Ф. Лосева: миф как живое синкретическое постижение мира, как изначальный смысл, который потом будет препарировать наука, как код, воспроизводящийся и на уровне формул, и в бессознательном потоке сознания [2, с.17]. Сегодня очень актуально звучит идея А. Ф. Лосева о том, что когда наука разрушает миф, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией [2, с.21]. Можно обратить внимание на ряд современных мифологем, которые нынче в общественном сознании имеют статус вполне научных постулатов и кочуют из одного учебника в другой. К таковым можно отнести идею о кризисе общечеловеческих ценностей, ставшую ныне штампом, идею диалога с природой, мысль о том, что причиной нынешней экологической катастрофы является выпестованный европейцами антропоцентризм, и многие другие. Идея о необходимости вести диалог с природой, как бы заманчиво она ни звучала, перенесенная в плоскость рацио, предполагает вопрос: «А кто будет говорить от имени природы?» Думая об ответе и желая избежать мистики, мы оказываемся в плоскости марксистской методологии, говорящей о том, что крайние рамки отношений — это всегда отношения между людьми, и что взаимосвязь «человек-природа» предполагает

опосредованность системой трудовых отношений.

Научные понятия, тяготеющие к однозначности, переходя в иррациональную плоскость, становятся мифологемами, причем это превращение часто не фиксируется на уровне методологии. Так, стоит признать очевидность того, что поиски национальной идеи (общественной идеологии) конструктивны лишь в аксиологической плоскости. А в сфере аксиологии философия как рациональное мышление пытается знать нечто лично значимое, чувственно переживаемое, то, что рационально лишь в своих опосредованиях и предпосылках. Если этика как наука предполагает систему категорий, то аксиология — систему ценностей. В отличие от категорий, которые взаимопредполагают друг друга и как система создают каркас научной теории, ценности не связаны логической необходимостью и всеобщностью, их взаимодействие не может быть возведено в ранг закона. Поэтому попытки создать систему ценностей или определить высшую ценность тяготеют к сфере схоластики.

В этой же плоскости привлекают внимание рассуждения Д. Г. Трунова о феноменологии познания, о понятиях, фиксирующих поток сознания. Философ отмечает, что «так называемые «нерефлектируемые переживания» — это исключительно спекулятивное понятие, созданное объяснить какие-либо факты, но само при этом фактом не являющееся. Забывание этого обстоятельства приводит к мифологизации «нерефлектируемых переживаний», например, в понятии «бессознательного». [4, с.69]

Нередко в научных теориях доминирующая рациональная идея (то, что в постмодерне именуется фоноцентризмом) закрывает буквальный смысл того или иного понятия. (Здесь вспоминается позитивистская идея о вреде метафизики, которая ничего не проясняет в предмете, но лишь затуманивает наше восприятие мира.) Так, например, в отечественной философии советских времен понятие «образ жизни» фактически функционировало в значении способа жизни, являясь некой собирательной характеристикой бытия. (Примером может послужить привычный лозунг тех времен: «Образ жизни-советский»). Любопытно, что модное ныне понятие дискурса, столь путано определяемое в словарях, является, по сути, синонимичным понятию «образ жизни» в его изначальной интерпретации: дискурс и есть определенное видение мира в той или иной системе рациональности. Так, например, получившая широкую известность фраза, сказанная в пылу полемики, о том, что «в Советском Союзе секса нет» свидетельствует прежде всего об устоявшихся границах обсуждения этого вопроса.

Следует подчеркнуть, что любые элементы понятийного аппарата, помимо того, что удерживают смысл предмета, создают в большей или меньшей мере направление исследования, научный каркас теории, говоря Кантовским языком, структуру сознания, или, в современной терминологии, стиль мышления. Речь идет о тех механизмах познавательного процесса, которые проявляются помимо смысла. В чувственном опыте они осмысливаются как значение, отсюда востребованность аксиологии и огромный потенциал такого понятия как интенциональность. В современной литературе довольно любопытны в этом плане попытки реанимации акмеологии, скорее всего, безуспешные, напоминающие возрождение телеологии или недолго просуществовавшей теории научного национализма. Здесь уместно вспомнить рассуждения М. Мамардашвили о форме, которая держит наше мышление, или, другими словами, о ситуации, в которой выполняются условия реализации понятий, чтобы мы не потеряли «размерность нашего мышления». [3, с. 133] В герменевтике эта проблема описывается как идея контекста, в психоанализе она осмысливается как архетипальные структуры, направляющие наш опыт, придающие ему размерность и обеспечивающие его узнавание (принятие). Останется ли какое-то происшествие ничего не говорящей о нас случайностью, станет ли оно вызовом (пограничной ситуацией) для личности или, срезонировав, обернется общественным потрясением, — это во многом определяется устоявшимися структурами сознания.

Рациональное и иррациональное, как жизнь и смерть, постоянство и изменчивость, истина и ложь, и все иные противоположности, в реальной жизни взаимопереплетаются, взаимопредполагают друг друга и живут одна за счет другой. Если верить политикам, то демократия своей мягкостью порождает диктатуру, а в психоанализе стала привычной идея о том, что чрезмерная зарегламентированность западной культуры периодически оборачивается если не мировыми войнами, то ростом суицида. В связи с этим возрастающая задача современной философии заключается в анализе тех противоречий реальности, которые могут быть поняты как диалектика рационального и иррационального, чтобы мир был для человека не трагической действительностью, а гармонией взаимопревращения.

Следует обратить внимание еще на один эвристический потенциал идеи рациональности. Сегодня модно говорить о всевозможных кризисах, например, идея кризиса общечеловеческих

ценностей давно уже стала научно-публицистическим штампом, мифологемой, без которой редко обходится какая-либо публикация. Аналитической критики этот миф не выдерживает, ибо встает вопрос о механизме формирования ценностей, об их критериях, но он очень удобен как познавательная конструкция, аналогичная образу врага в политике. Стремление к рациональному постижению мира способствует преодолению всевозможных мировоззренческих кризисов, поискам оснований толерантности в культуре.

Один из актуальных аспектов современной эпистемологии – это вопрос о социальной обусловленности познания, в том числе и в сфере естественных наук. В философии он осмысливается как проблема пределов или границ нашего знания, в различной степени рефлекслируемых. Парадигма, дискурс или эпистема — это тоже границы, определяющие и удерживающие наше знание. Следует иметь в виду, что эти формы или пределы имеют внутреннюю раздвоенность, то есть могут быть поняты как единство противоположностей. Например, мы много говорим о гуманизме, когда в обществе чувствуется недостаток социальной защищенности.

Для современной философии науки актуальными остаются вопросы диалектики явного и неявного знания в научном познании. Ждет своих исследователей проблема рациональности во вненаучных сферах деятельности: религии, морали, политике. Для Украины в контексте обоснования национальной идеи важна разработка механизмов поддержания традиций в культуре, как на уровне архетипальных структур, так и в плане осознанной работы.

Библиографические ссылки:

1. Гегель Г. Наука логики / Г. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1975.— 452 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Миф – Число – Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи.— М.: Мысль, 1994. — с.5-216.
3. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации / М. К. Мамардашвили // Квинтэссенция: Филос. Альманах, 1991.— М.: Политиздат, 1992.— с.120-157.
4. Трунов Д. Г. Введение в феноменологию самопознания: монография /Д. Г. Трунов; Перм. гос. ун-т.— Пермь, 2008.— 256с.

УДК 140,8.

О. О. Долженко

Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ МЕНТАЛЬНОСТИ

Розглянуто категорії культура й ментальність, показано співвідношення культури й ментальності в процесі взаємодії, розкрито підходи визначення соціокультурного розвитку соціальних груп.

Ключові слова: ментальність, культура, менталітет, соціокультурний, соціум.

Рассмотрены категории культура и ментальность, показаны соотношения культуры и ментальности в процессе взаимодействия, раскрыты подходы определения социокультурного развития социальных групп.

Ключевые слова: ментальность, культура, менталитет, социокультурный, социум.

The categories of culture and mentality, the correspondence of culture and mentality in the process of integration, the approaches in defining the sociocultural development of social groups are described.

Keywords: mentality, culture, sociocultural, society.

Вхождение в научный оборот понятия «ментальность» связано с утверждением антропологической парадигмы в гуманитарных науках. Происшедшие в последние десятилетия социальные, экономические, политические, изменения в мировом масштабе привели к небывалой миграции народов. Эти и другие процессы формирования новой конфигурации культурного ландшафта актуализировали концепт ментальности как востребованный шире, чем принято в терминологии научного сообщества. Он стал синонимом благоприятствования модернизации или же её торможения. Соответственно целью данной статьи выступает